

Николай Полотнянко

ПОЭМЫ

Содержание

Поэма памяти.....	2
Поэма о пошлом трупе.....	9
Бунт совести.....	15
Наташкин бор.....	30
Школа.....	37
Весна Владимира Ульянова.....	57
Харон.....	63
Здесь Ленин жив.....	68
Чёрный человек.....	73
Богдан Хитрово	76
Чингисхан.....	79
Осада Синбирска.....	82

ПОЭМА ПАМЯТИ

-1-

Недавно, жизнь тому назад...
В пустом окне горит закат.
Полынью спелой пахнет горько.
Я – юн, ни в чём не виноват,
И не боюсь судьбы нисколько.
Жизнь, как подлётых, молода,
Ещё неопытна, игрива,
Она – на краешке гнезда,
Нависшем на краю обрыва.
Хочу лететь я, и боюсь,
Но розовый туман мне застит
Глаза. Я слепо верю в счастье.
Я верю, что не разобьюсь.
Простора, воли сердце просит.
И мир огромен и открыт.
Ещё проклятые вопросы
Не впились в душу, как занозы.
А жизнь уже летит... летит...

- 2 -

Землянка. Сквозь завалы снега
Траншея к улице. Дымы.
А на дворе середка века,
Разгар всем памятной зимы.
Мы с тёткой гнём, распарив, лыжи.
Я обещаю ей, что рыжий
Добуду лисий воротник.
Как птенчик жёлтый, тёплый блик
Трепещет в радужном окошке
И стелет по полу рогожки.
Родная жизнь! Родной язык!
И материнский запах хлеба.
И леденцовый вкус зимы.

Как будоражит все умы,
Раскрывшись по-цыплячьи, верба!

Я жду, как праздника, весны,
С берёзы старой в переулке
Срываю первые сосульки.
Они прохладны и вкусны.
И простываю: кашель, хрип,
И голова трещит от гуда.
Ещё вдали гонконгский грипп,
И у меня пока простуда.

Призвали деда Корпача.
Ведун на горле чертит знаки,
Заклятье яростно шепча.
И, как ни странно, боль проходит.
Ура! Опять я на свободе!
Вот чья-то лёжка под кустом.
Матёрый зверь – не уж-то волчья?
Кого спросить в лесу пустом,
Где лишь сугробы светят молча.
По коже прыскает озноб.
Пора домой, учить уроки.
Над головой уже взахлёб
Трещат вертлявые сороки.
– Ну, где, племяш, моя лиса? –
Смеется тётка и конфету
Сует мне в руку. Два часа.
В землянке сухо, много света.
По арифметике тетрадь
Раскрыта настезь. Снова дроби.
А у меня в глазах опять
Та волчья лёжка на сугробе...

Ещё зима грозила стужей,
Позёмка снег свивала в жгут,

Когда в честь Сталина из ружей
Был погребальный дан салют.
И заревел гудок завода
В посёлке – родине моей.
И тяжкий гроб вождя народа
Был установлен в Мавзолей.
И подобрав шубейки полы,
Я шёл по снегу в третий класс.
И посреди саманной школы
Поспешно выстроили нас.
Мы в первый раз стояли тихо,
От слёз нахлынувших сопя.
И тонко выла сторожика
Не в силах удержать себя.
Внесли портрет, обитый крепом,
И водрузили у перил.
И наш директор, глядя слепо,
Про смерть вождя заговорил.
И мы со слов его узнали,
Что если б трубку не курил,
То друг детей – товарищ Сталин
Ещё б десяток лет прожил.
Сказал директор и заплакал.
Он старый добрый был чудак.
И полетели с шумом на пол
Окурки, спички и табак.
Не повторял директор дважды,
Мы сразу бросили курить.
Мы все усвоили, что даже
Вождей куренье не щадит

- 4-

Я видел пламя зимних стуж
И волны мёртвые сугробов.
О, сколько повзрослело душ
В те дни у сталинского гроба!..

Открылся лагерь, и «зэка»
 На волю выпущены скопом.
 До часа лучшего, пока,
 Народ гнездится по трущобам.
 Досталась комната и нам
 Из эмвэдэвского бесхоза.
 Дымится иней по углам.
 В слепом окне цветы мороза.
 Мать на завод пошла. Хрипит
 И бьётся в судорогах астмы.
 И бодро радио твердит
 О скором и всеобщем счастье.

- 5 -

Пора и мне – в шестнадцать лет! –
 В работу чёрную впрягаться.
 Гудит вибратор, брызжет свет,
 И сводит судорогой пальцы.
 Старик, похожий на Сократа,
 Познавший в тюрьмах русский мир,
 На фронте – рядовой «штрафбата»,
 На стройке – лучший бригадир,
 Мне говорил: «Давай-ка, паря,
 Мешай раствор, клади бетон.
 Со мной работать будешь в паре.
 Две нормы у меня – закон.
 Тебе положены по штату
 На полный месяц – распишись –
 Одна «кормилица» – лопата,
 Две пары новеньких голиц».
 Был бригадир курнос и жилист,
 И скручен туго, словно трос.
 Седые брови круто взвились
 По лбу горячему вразброс.
 Сновали хрупкие стрекозы,
 В траншеях стлался влажный дым.

На кучу глины влез бульдозер,
 Гремя железом лобовым.
 Вгрызался в землю экскаватор
 Стальными зубьями ковша.
 И прикипел к рукам вибратор
 Так, что тряслась моя душа.
 Бал первый пот рабочий солон.
 Стремглав летел за часом час.
 Я проходил рабочей школы
 Свой трудный изначальный класс.

- 6 -

Всему есть срок, хоть бог земной
 Почил сном вечности глубоким.
 Но даже мёртвый, неживой,
 Он для живых остался богом.
 А я, что знал я о себе?..
 Я жил и в счастье слепо верил.
 Лишь были ведомы судьбе
 Мои находки и потери.

Двадцатый съезд. Пора надежд
 На счастье и никак иначе.
 Коммунистический рубеж
 Невдалеке уже маячил.
 Осталось только поднажать,
 А там... Что там, никто не знает.
 Народ лишь начал прозревать
 И ничего не понимает.
 Деревне дали паспорта,
 И повалили люди в город.
 У всех была одна мечта –
 Зажить без всякого надзора.
 Еще газетам верят все,
 Противных нет в помине мнений.
 Почти на каждой полосе
 В призывной позе новый гений.

Страна на взлётном вираже
Летит с космическим размахом.
И новый вождь всем по душе,
Что не внушает людям страха.
Был трудовой рабочий рубль
Вполне по ценам магазинным.
По выходным барачный клуб
Цвёл штапелем и крепдешинном.
Завыл в посёлке первый «маг»,
И завихлялись «буги-вуги».
Стригут дружинники стилиг,
Берут воришек на поруки.
А за барачной полосой,
Цепляясь к городскому краю,
Растёт хрущёвский самострой
Из насыпушек и сараев.
По всяким праздникам у нас
Поют залиvisto гармонии.
Звучит «Подгорной» перепляс,
Ещё частушки не в загоне.

Не в моде френч и сапоги,
Но произвол ещё обычен.
И Пастернак попал в враги,
И Солженицын возвеличен.
В литературе этих лет
Куприн и Бунин в громкой славе.
И снят с Есенина запрет,
И обретён Васильев Павел.
Жизнь примирила вроде всех.
В моём бараке отставные
Охранник лагерный и зэк
Гуляют вместе, как родные.

Я верю в правду и добро,
Хотя вокруг немало злобы.
Уже вплотную подошло

Мне время счёт платить особый.
 Но я от страха не продрог.
 Что мне чужой и горький опыт?
 Я за собой не слышал топот
 Железом кованных сапог.
 Судьба дала мне честный путь
 И опалила душу смутой.
 И сквозняки пронзили грудь
 Сердечной горестной остудой.

-7-

– Я прожил жизнь в другой России,
 Чем та, что вокруг меня была.
 Года советские немые и россиянские лихие
 – Сквозь них судьба меня вела
 Тропою Пушкина и Блока.
 Жизнь не была ко мне жестока,
 Но сам я был к себе жесток,
 Когда смирял упрямство строк...

Я прожил жизнь, не помышляя,
 Разбогатеть, войти во власть.
 И жил легко, как бы играя,
 Мной лишь одна владела страсть:
 Любовь к Отечеству, что пало,
 Изменой мерзостных вождей
 И жутким призраком восстало
 В казнящей памяти людей.
 И никому спасенья нету
 От боли, жалящей умы.
 И выпал долг сказать поэту,
 Что изменили Правде мы.
 Что мы – предатели России,
 Кто взрослым был в тот страшный год,
 Когда кремлёвские витии
 Советский предали народ.

О ПОШЛОМ ТРУПЕ

*«В кучу сбившиися тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа –
Там и тут,
Там и тут...»
А. Блок*

Действующие лица:

Сергий Радонежский, .Поэт, Чёрт,
Слушатель

Поэт:

Не для того, мой слушатель случайный,
Я написал стихи, чтоб поделиться тайной,
Как в жизни преуспеть...
Нет, цель моя проста:
Я не скажу тебе, что жизнь твоя пуста,

Что разумом тебя не наградили боги,
Что зря ты пыжишься и надуваешь щёки,
Дабы придать значительность себе.
Нет, ты не неудачник по судьбе,

Ты — представитель нового народа,
Не знающего плуга и завода.
И веришь в то, чего не знаю я,
Поэтому и не гожусь тебе в друзья.

В наш век ты беззаботен, я смешон,
Над чем ты потешаешься, я плачу.
Удачей в жизни ты не обойдён,
Ты значишь всё, я очень мало значу.

Но ты ещё, ни разу не страдал,
Не спотыкался, зря не тратил силы.
Ещё ни разу ты не наступал

На скользкий край зияющей могилы.

Когда-нибудь в неё заглянешь ты
И прикоснёшься к гибельному краю.
Обычной человеческой беды
Тебе я для прозрения желаю.

Слушатель:

Что слышу я? Поэзия ли это?..
Как ты жесток - людей лишаешь света
За то, что не похожи на тебя.
У них, поэт, какая есть судьба:
Их каждый день рассветная труба
Зовёт не для лирических мучений,
А добывать себе насущный хлеб...
Но разве ты не также рабски слеп
Что толку от твоих стихотворений
В стране, где больше счастье не живёт,
А души горечь унижений жжёт?
И я ищу правдивого ответа,
В чём жизни смысл, от русского поэта.

Поэт:

(пауза)

Жизнь, что утратила движенье,
Воспроизводит только яд
Распада трупного и тленья,
И отравляет всё подряд.
Душа России исчезает,
И нет меня среди живых,
И где она — никто не знает.
Быть может, с Чёртом на двоих
Играет в шашки и зевнула,
И он берёт её «за фук»,
И мчит на ней в кабак.
И вдруг
Я рядом с ними, и втроём,
Вполне собратья гулевые,

И пьём, и пляшем, и орём
Срамные песни о России.

К столу подходит человек,
Не русской выделки и трезвый,
И нам выписывает чек,
Мне не поднять его, железный,
Но Чёрт легко его берёт
И в кейс с душой моей кладёт.

И я уже лечу над бездной,
Но где Россия, где народ?
Нет никого, лишь смрад встаёт
Над местом, где была Россия...

— Откликнись кто-нибудь, живые!
Откликнись кто-нибудь, скорей,
Хотя бы смерть, коль нет людей!

И вижу — Сергей Богоносный,
На зов откликнулся, возник
И молвил:
— В час России грозный
Я в русских душах храм воздвиг.
Но вы его не сохранили,
Как разум свой и свой язык.
Всё извратили и забыли,
И растворились в темноте,
В багровом дыме преисподней...
А ты, что ищешь в пустоте?
— Я душу потерял сегодня...

(пауза)
Громоздится бред на бред,
Ложь — на ложь,
Смерть — на смерть.
Власть любого, точно вошь,
Может ногтем растереть.

Громоздится страх на страх,
Грех — на грех,
Грязь — на грязь.
Нынче жив, а завтра в прах,
Не понять, где яд, где сладость.

Громоздится зло на зло,
Кровь — на кровь,
Мечь — на мечь.
Стыд загнали за бабло.
Растоптали совесть-честь.

Громоздится газ на газ,
Бакс — на бакс,
Сталь — на сталь,
Рупь — на рупь,
Нефть — на нефть,
Труп — на труп...

(пауза)

Без Бога власть недолговечна.
В Москве случился скоротечный
Не путч, а выкидыш. И Чёрт
Освоил Кремль, как пышный торт,
И властью начал обжираться.

Чёрт или дьявол, словом, Зло
Россию мучило и жгло
Во все века её стоянья
Пред ликом Господа святым,

И эти самоистязанья
Мы до сих пор боготворим.
Святынь не видя в настоящем,
Мы злобно прошлое хулим.
И труп советской жизни тащим,
Не зная, что поделаться с ним.

(пауза)

Труп жизни рухнул поперёк
Теченья времени земного.
Он взбух от гноя и размок.
Но Чёрт лже-жизни фитилёк
На нём раздул, зашевелились
На мерзкой падали ростки,
От яда трупного родились
Лже-либералы, с их руки
Лже-вертикаль возникла власти,
И некто, избранный на срок.
Со снисходительным участием
Взирал на это всё лже-бог.

(пауза)

Жизнь есть война добра со злом,
Но смертна жизнь, а зло бессмертно.
Оно, прикинувшись добром,
Всем миром правит незаметно.

Тот обречён, кто прям и туп.
Влача идеи неживые,
Уж четверть века бродит труп
Советской жизни по России.

Одновременно — там и сям,
Как Вечный Жид, он тенью рыщет,
В дворцы стучится к богачам,
Стучится в нищие жилища.

И снится всем одно и то ж,
Что встал живым из гроба вождь!..

И я подумал: быть войне,
Когда негаданно ко мне
Советской жизни труп явился
В Страстную ночь, когда втайне
Хриstopродавец удавился.

В себя вместивший прошлый век,
Из правды сотканный и басен,
Он был и жалок, и ужасен —
Труп миллиарда человек.

(пауза)

Жизнь, что утратила движенья
И превратилась в пошлый труп
Достойна лишь самосожженья
Без всхлипов плакальщиц и труб.

И в час судьбы России грозный
Нам нужен Сергей Богоносный,
Чтоб волю Божию явить,
Что делать с трупом жизни павшей,
Как нам его захоронить —
От ноши, ужасом пропахшей,
Святую Русь освободить.

(пауза)

И день прошёл.
И ночь настала.
И Сергей к нам с небес сошёл.
И молвил грустно и устало:
— Я волю Господа обрёл.
Всё то, что в трупе было ложно,
Испепелится и умрёт.
А что пришло от Правды Божией,
Судьбу земную обретёт.
Вернутся стыд и совесть в души,
И человек себя найдёт.
А ты, поэт, смотри и слушай,
О чём болеет твой народ.

2017 – 2022

БУНТ СОВЕСТИ

-1-

Здравствуй Волга - душа человека!
Древний ветер летит в затон.
Грузно волны, густые от снега,
Бьют в причальный слепой бетон.

Выйду я на холодный берег.
Влажно светит звезда в ночи.
Научи меня жить и верить,
Волга, счастьем меня научи!

Знаю, есть у тебя в запасе
Плёсы, заводи, Жигули,
Пугачёвщина, Стенька Разин,
Вёрсты политой кровью земли...

Ветер щёки царапает колко.
И от снега кипит волна.
Бьётся грузно о берег Волга.
Волга спрашивает меня...

- 2 -

Я однажды нашёл
Фотокарточки
В старом альбоме,
Хронографию жизни
Рабоче-крестьянской семьи,
Отпечатки торжеств
И невзгод в нашем доме.
Их на вечную память
Оставили предки мои.

Нет герба
На альбомном лоснящемся
Плюше,
Геральдических птиц
И зверья

На парчëвой кайме.
 Предки были просты,
 Их безвестные души
 Выходили из тьмы,
 Исчезали бесследно во тьме.

Не князья,
 Чтоб кичиться своим родословьем,
 Не приезжие немцы,
 Не мурзы поганой орды.
 Основавший сей род
 Наделил его доброю кровью,
 И в историю вписанны
 Битвы его и труды.

И когда я читаю
 Открытую книгу России,
 Вижу пращура светлый
 И торжественный лик,
 Это он обустроил
 Просторы лесные,
 И былин
 Языковую крепость воздвиг.

Это он на священных
 Воротах Царьграда
 Щит прибил самокальным
 Надëжным гвоздём.
 Это он изогнул
 Потолки Грановитой палаты,
 А избëнку свою
 Изукрасил летящим коньком.

А его
 Забивали кнутами до смерти,
 Волокли на правез,
 Батогами пущали кровя.
 И сказал некий князь:

- О смердящие смерды!
Сколько их не топчи,
Вновь растут как трава.

О гонимый народ!
Твоего родословья страницы
Невесёлых мечтаний
О правде и воле полны.
Не из них ли взяла
Свой разбег тройка-птица,
Чтобы вечно лететь
Над простором страны.

Не избыть мужика
Ни битьём,
Ни кандалною цепью.
И когда разрывалась
Терпенья тугая струна,
Полыхали пожаром
Поволжские дикие степи,
На Москву надвигалась
Мужичья война.

- 3 -

Истории ветер
Летит по разлому России,
По каждому сердцу,
По каждой судьбе прямиком.
Со скрежетом рушатся наземь
Гербы вековые.
Летят на бульжник орлы
Коронованным лбом.

- Погибла Россия!..
- Россия победно воскресла!..

Слова атакуют, сшибаются,

В сердце без промаха бьют.
Призывным плакатам
На стенах расстрелянных тесно.
Из словолитен
Всё новые толпы их прут.

Восстанья круги
От столицы бегут к захолустью,
Равняя сословья,
Сдирая чинов шелуху.
Задворки страны,
Что пропахли обломовской Русью,
Встряхнулись, прозрели, –
И Ленин у всех на слуху.

- 4-

Спит мещанский Симбирск,
Февралём убаюкан –
Обещаньем свободы,
Раздела земли.
Отшумела в садах
Листвяная осенняя вьюга,
Ледяные зазимки
На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь –
Революции огненный праздник.
Будоражит страну
Обновления жуткая новь.
Но Симбирск молчалив,
Монастырский,
Лабазный,
С кистенём под полой,
Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
Лучше пусть верховодят эсеры.

Совнаркомия Питера
 Нам, волгарям, не указ.
 Наша местная власть
 Вся купеческой веры.
 Их мы знаем насквозь –
 Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
 Но в казармах, шумят о свободе
 Те, кто с вошью окопной
 Был три года на «ты».
 И пять сотен рабочих
 Бузят на патронном заводе.
 И крестьянин ко лбу
 Поднимает щепотью персты.

Он ещё не опомнился,
 В строки вчитавшись декрета,
 Что в обмотке привёз
 С галицийского фронта шабёр:
 - Надо землю делить!
 Неча ждать учредилки и лета.
 Не помогут слова,
 Так поможет топор!

Он молчит,
 Но «люблю» сердце шепчет земле.
 И мозолят глаза
 Тыщи потных борозд.
 До рабочей зари
 Мужики будут в мареве сниться
 Неба край,
 Да копыта,
 Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
 Задохнётся от жара,
 От затаённого

В почве огня.
Буйно щедра
Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля
Столько дён!
И сорвутся к земле
Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Дармовщинный и сладкий
Весенний поток.
И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток...

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыля.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею,
Навеки земля.

- 5 -

Светлый день – воскресенье!
Рынок в Симбирске

Колобродит, как стачка,
Мычит и визжит.
Из- под круга точильного
Сыпятся искры.
И заря кровянит
Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик
Работу хмельную,
От которой земля
Закачается вдруг,
Когда вопьётся
Взасос, в поцелуе,
Нож заголяшный
В наждачный круг!

Точи, пролетарий,
Косы и вилы,
Кали, окунай их
В родниковую студь!
Земля раскрутилась
Гудящим точилом –
Вылетел в небо
Млечный путь!

Рынок в Симбирске
Шумит, колобродит.
Из уха в ухо
Слушок течет:
- Керенки больше, того,
Не ходят.
Только царь - золоту
Вечный почёт.

В руках у кого-то
Мелькнула газета.
Споры.
И некому речи пресечь.

- Быстро новая власть
Производит декреты.
- Как блины их печёт.
- Как бы рот не обжечь.
- Кто их знает?
Там Питер, Советы.
Здесь начальство и баба.
Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,
Имя пыхает:
- Ленин. Ульянов.
Пожилой старожил
Мужикам из Тагая внушал:
- Это наш, симбирянин,
Без всяких обманов.
Я его самого
И отца его знал.

- Это надо ж! –
Качали вокруг головами.
- Наш, симбирский!
А может, ты врёшь?..
- Я тогда промышлял
В их порядке дровами.
Брехуном не дразнили.
Неужто похож?

- Ну, и как из себя он?
- Кто?
- Ленин тот самый.
- Был смиренный мальчишка,
Но взглядом востёр.
Волосы будто лампадное пламя...
- Ты гляди, а докуда допёр.
- Чай, из богатых?
- Какое богатство.
Домик, сад,

Ребятни полный двор.

... Рынок, стихнув,
Внезапно звереет от ора.
Плещет смрадная ругань
Из глоток, как дым.
Ловит скопом толпа
Карманника вора.
Наземь свалив,
Нависает, как туча,
Над ним.

Смертью пахнуло,
Могильной землёю.
Жизнь встрепенулась,
Почуяв провал...
Воздух густой
Разорвал над толпою
Выстрел,
И с крыш
Вороньё посдувал...

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.

Рядом ещё.
Но негусто,
С ползвода.
Крепкие парни.
Винтовоки, штыки.
- Граждане!
Власть в руках народа!

Правят Россией
Большевики!
- Сам-то ты кто?..
- Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленина
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите
По головам!

- Мы бы ничо,
Да чего бы ни вышло...

- Хватит, слезай!
Что пустое брехать?

- Уши развесили:
К новому дышлу
Всех вас привяжут,
И ну – погонять!..

- Хватит, как малых детей
Нас баюкать!

-Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

- Бери в намозоленные
Мослатые руки
Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде, чем бунтом

Пойти на богатство,
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.
От весёлой работы
Трепещет душа.
И сыпятся искры,
Как перья жар-птицы
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

- 6 -

Клубился зной
Колючий, злой.
Желтело небо, как рогожа.
Сграбастал голод
Пятерней
За глотку
Нищее Поволжье.

Смерть шла
По выжженным полям
Тенями рваными
Пожара.
И кровью наливался шрам
На детской шее
Комиссара.
Угрюмо заседал
Комбед.
Бесхлебье
Обсосало лица.
И падал из окошек свет
На злые
Острые ключицы.

Крик петушиный.
Выстрел.
Стон.
Скрипят ворота, как протезы.
Клокочет в глотках
Самогон.
Лежат за пазухой обрезы.

Огнём обкусанный забор.
Голов отъятых
Позевота.
Скороговорка пулемёта.
И пуля
Разрешала спор.

- 7-

Голенаста, как аист,
Мозолины глаже,
Вымахав,
Тысячи пашенных вёрст,
Висит на амбаре
Старинная сажень,
Деревянные ноги
Топыря вразброс.

Сделал её,
Когда был ещё в силе,
Дед,
Воротившись с гражданской домой.
Землю
Навечно крестьянам делили,
Счастьем ржаным
Одаряли с лихвой.

Путаясь в полах
Пробитой шинели,
С саженью шёл он,
Спеша со всех ног.

Землю делил мужикам
 И артели,
 Мощностью
 В шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
 И запрягся в работу.
 Залежь ломал
 И в отход уходил.
 Чтоб прокормить десять ртов –
 Всю голоту,
 От зари до зари
 Выбивался из сил.

Как она пахла,
 Родная земляца,
 Плугом обласкана.
 Вся в зеленях,
 Вот и досталось судьбе
 Распрячиться,
 Больше не чудился
 Голод и страх.

Малость окрепнув
 К тридцатому году,
 Думал,
 Что дальше помчит рысаком.
 Но для крестьянства
 Другую свободу
 Выдумал вождь
 В кабинете своём.

Так зануздали –
 Не брыкнешься даже.
 От мужика
 Отшатнулась земля.
 Снова ладони
 Мозолила сажень,

Пашню для нового счастья
Деля.

Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы –
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
Стала тише и глаже.
Думать не надо,
Коль всё решено.
Мерила труд
Бригадирова сажень.
Время катилось.
Куда? – всё равно.

Русская доля,
Судьба ножевая!
Горечь утрат.
И забвенья трава.
Только застонет душа,
Прозревая,
В горле занозой
Застрянут слова.

- 8 -

Бушует Волга.
Даль сокрыта мутью.
И на душе предчувствие судьбы.
Дрожит причал, отшвыривая грудью
Свинцовых волн насупленные лбы.

Бугры воды взрываются, сверкая,
И зыбится пучина, отступив.
И слышит сердце, плача и стеная,
В прибое к бунту яростный призыв.
Моя душа подвластна грозной смуте.
В ней всполохи бунтарского огня.
Я знаю, что на русском перепутье
За всё, что будет, спросится с меня.

Бунтует Волга – пленная стихия,
Грызёт плотины, рушит берега.
Во мне бунтуют совесть и Россия,
Бунтует Божья правда мужика.

1972-2012

НАТАШКИН БОР

1

Моя деревенька не богова –
Без церкви, вокруг глушь и тишь.
В тайге затерялась, как логово
Медвежье,
И смотрится в Шиш.
Пришли потаёнными тропами
Крестьяне в край вольной земли.
Забыли, что звались холопами,
Кладбище своё завели.
А там, где кладбище, там родина,
Хоть глушь и морозы крепки.
Берёзовый пояс поскотины,
И несколько изб вдоль реки.

У Быковых дом, что палаты.
Пыхтела кормилица - печь.

Травой богородской полати
 Обкурены, есть где залечь.
 Четырнадцать душ ребятёнок
 Мать звякнет – и все тут как тут.
 На кашу налягут спросонок –
 Ведёрный чугуун подметут.
 Сама Катерина матёра
 (Из Хреновых – сразу видать)
 Как матица, дому опора:
 И ум, и сноровка, и статья.

В девчонках ещё Быков Осип
 Ей в косу заплёл пару лент.
 Служил он на царской в матросах,
 Пришёл через восемь лишь лет.
 Слюбались, отсвадьбились чинно,
 Срубили избу у задов.
 И стала пулять Катерина
 Почти каждый год пацанов.

У Зыковых тож на полатях
 Парнишек, что в поле снопов.
 С иконы, от мух конопатой,
 Таращился Бог Саваоф.
 А кони у Пётра – ярилы!
 Пусти – так и рвутся в запал.
 Но всех, до последней кобылы,
 На ярмарке он променял.
 Уедет в кошевке –
 С уздечкой
 Вернётся нетрезвый пешком.
 Зато Евдокии колечко
 Всегда приносил, с огоньком.

У Шишкиных девки, что павы,
 И каждая ликом чиста.
 Анютка, Настюшка, Любава...
 Но где для такущей оравы

Семья напасётся холста!
 Ходили до инея босы.
 Обувки одни на двоих.
 Сбивали приданое.
 Кросна
 Всю зиму скрипели у них.

Дед Хренов власть старшему сыну
 Отдал и о доме забыл.
 Он днями себе домовину
 Упрямо из кедра долбил.
 Поробит, примерит по росту,
 Улёгшись на жёсткое дно.
 Не ведал ещё, что к погосту
 Родному дойти не дано.
 Сын Фёдор был редкостный мастер,
 И дерево чуял нутром.
 Он птиц на мужицкое счастье
 Нарезал над каждым окном.
 Все ставни раскрашены баско,
 Подзор на гривастом коньке.
 Стояла изба, словно сказка,
 Лицом обернувшись к реке.

В деревне четыре фамильи,
 Почти все друг другу родня.
 Три века смиренно отжили,
 Не прокляли даже ни дня.
 Смотрели в сибирское небо,
 Смекали, где канет звезда.
 Лишь после пшеничного нэпа
 И к ним накатила беда.

Никто и не помнит откуда,
 Но после гражданской как раз,
 У них в деревеньке приبلуда

Бабёнка одна завелась.
Худа и ребраста, как рубель,
Изъедена вшами коса,
И, словно заплёванный уголь,
Подёрнуты тинной глаза.
И что её трахнуло в спину –
С деревней вступила в войну.
У всех посчитала скотину,
Забыв посчитать ребятню.
Составила точный реестрик,
Конверт послюнила губой.
И кинула это известье
На пристани в улей пустой.

И вскорости майскою ночью
Примчались к ним впопыхах
Военный и бывший рабочий
С брюхатым портфелем в руках.
Налогом тройным обложили,
Велели враз за год собрать.
И долго судили – рядили,
Кого за болота сослать.
Мужицких резонов не хочет
Услышать крикливая власть,
Что силы наёмной и прочей
Не видел никто, отродясь.
Все избы поставлены миром,
Сородичи в каждом доме.
В краю невесёлом и стылом
Не выжить никак одному.
Мол, искони жили артельно
И к лешему энтот колхоз...
И молча поднялся военный
Во весь свой, под притолку, рост.
И так порешил агитатор,
Портфель свой понянчив в руках:
- У Хреновых есть сепаратор.
А дом-то!..

Матёрый кулак!

3

Из Хреновых только Натаха
Вернулась домой через год.
Народ к ней с расспросами, ахал,
А та запечатала рот.
Острижена, как после тифа,
Видать, хлебнула судьбы.
Прошла по деревне и тихо
Завыла у отчей избы.
Поганки взошли на заплотах,
И крыша кой-где подгнила.
Отшибла горбыль на воротах
Наталья и в избу вошла.

Жильё без хозяев затухло.
И там, где стоял погребец,
Валялась разбитая кукла,
Которую сделал отец.
Припомнила, острым долотцем
Он резал её под окном.
Сама она с «зайчиком» солнца
Играла, в обнимку с котом.
Мать в туесе масло сбивала.
Христос золотился с угла...
Упала на пол, застонала
И куклу к себе подгребла.

Горела изба, как берёста.
Судьба поднялась на костёр.
Летели трескучие звёзды
К амбарам на шишкинский двор.
Деревня бежала с баграми
Гнездовье пожара зорить.
Отбили от Шишкиных пламя.
А избу не стали тушить.

Расплавилась стёкла в окошках.
 Сгорело железо дверей.
 Разрыли потом головёшки,
 Но нет от Натахи костей.

4

Кукушкой время летело –
 В болотную кануло тьму.
 Уже голубика поспела,
 Седая от сока, в ряму.
 Пошли на Петровской неделе
 Бабёнки по ягоды в бор.
 Глядят – а под лапами ели
 Мотается белый подол.
 На мшине, где розово клюква
 Цвела, поджидая мороз,
 Лежала разбитая кукла
 С глазами пустыми, без слёз.
 Пришли мужики.
 Помолчали.
 Спустили Натаху с ветвей,
 И с куклой в песок закопали,
 Чтоб было им там посушей.

Моя деревенька глухая.
 Народ – не бывало простей.
 Но дали и ей погоня
 Ретивых партийных кровей.
 Он дело повел на сурьёзе,
 Подстать той убойной поре.
 И все очутились в колхозе
 С одним петухом при дворе.
 Бесхлебье – крестьянское горе –
 Ступило за каждый порог.
 На долгом песчаном угоре
 Приметный белел бугорок.

Наташкин бор тяжело и глухо
Пел скорбную песню свою.
Сугробы лебяжьего пуха
Стелила зима снегирю.

Место действия:
деревня Усть-Шиш, Омская область.

ШКОЛА

Геннадию Ивановичу Дёмину

Морозные звёзды смолола
Метель на крутых жерновах.
И мчались, как белые пчёлы,
Над полем снежинки впотьмах.
Рыдал колокольчик поддужный,
Скрипели постромок ремни.
Из тьмы, беспокойной и вьюжной,
Таращились волчьи огни.
Как стража, столбы верстовые.
Двуглаво распяты гербы.
Одна лишь дорога в России
У правды и честной судьбы.
И чудились – звоны, да звоны,
Кандалные звоны теней.
И лики, печальней иконных,
Витали в потемках полей.

Владимирка!
 Песни, былины
 Про вечно гонимый народ.
 Ухабы избиты, как спины,
 Безвестно ушедших вперед.
 Брели они с бритыми лбами,
 С печальной надеждой в груди.
 Века пронесли за веками,
 А горе, как прежде, в пути!

Машиною лязгнув, Европа
 Царизму вlepила под дых.
 Кострищем пылал Севастополь,
 Солдатскою славой велик.
 Забиты окошки проливов.
 Зарыты в суглинок сыны.
 И стали видны все нарывы
 На теле огромной страны.

Есть время победных сражений,
 Страну низвергающих в темь.
 О пользе иных поражений
 Не худо бы помнить нам всем.
 Салюты слепят ярким светом
 Ретивых вояк и толпу.
 Не видно порой за победой
 Отчизны больную судьбу.
 Жизнь стоит все меньше и меньше.
 И золотом кажется ржа.
 И сетью невидимых трещин
 Разрухи покрыта душа.

Крым вырвал Россию из сони.
 Все стали роднее на миг
 Друг другу, услышав, как стонет
 На павшем редуте мужик.
 Испив свою чашу страданья,
 Россия открыла лицо.

Пришли времена покаянья,
 Ответа детей за отцов.
 Москва, Петербург – две столицы
 Бурлили, вершили дела...

А здесь во Симбирской провинции
 Плевалась окалиной мгла.
 И мчался по скользким ухабам
 Продутый возок во весь дух.
 В поклоне сгибалася баба.
 Мужик с головы рвал треух.
 Прогорклым соломенным дымом
 И стойлами воздух пропах.
 И кони, хоть тяжко родимым,
 На взгорок пошли во весь мах.
 Откуда нашлось столько силищ
 В них после дороги крутой!
 Директор народных училищ
 Очнулся от дремы больной.
 Сочился молозивный сумрак.
 Дымки завивались из труб.
 В потемках, рассветных, угрюмых,
 Маячили тени халуп.
 Чернели плетни вдоль дороги.
 Прах инеевый сыпался с крон.
 И слышался чистый и строгий
 Из церкви к заутрене звон.

- 2-

- Ну, вот и приехали, барин!
 Примерзла к земле тишина.
 Навстречу, спросонок распарен,
 Спешил со всех ног старшина.
 - С прибытием, ваше...
 - Ульянов...
 Приезжий стряхнул с шубы снег.

- Директор училищ...
 Престранный,
 Ученый, видать, человек.
 Без спеси, чиновного ору.
 Смекнул волостной – простота.
 По проточке узенькой в гору
 Пошли на сиянье креста.
 Не школа, а слезы –
 Две лавки,
 Да стол из шершавых досок.
 В дешевой латунной оправке
 Лампада,
 Задумчивый бог.
 Соломкою белою иней
 Навис на промерзших углах.
 Клубился морозный и синий
 Сквозной нищеты полумрак.
 Ульянов нахмурился:
 - Странно...
 Занятия что ж не велись?
 - Да что ребятня,
 Тараканы
 От холода все разбежались!

Ульянов задумался.
 Грустно.
 Повсюду по школам разор.
 В лаптишках, хрустящих капустно,
 Мальчонка уткнулся в притвор.
 Глядит на приезжего – барин.
 Наружность, глядит, не строга.
 - А ну-ка, иди сюда, парень.
 Ты хочешь учиться?
 - Ага.
 - Зовут как?
 - Оглоблин Илюха.
 Мальчонка глядел посмелей.
 В дырявом отцовском треухе,

Улыбка до самых ушей.
 Как видно, в семье не излишки.
 Скупа у крестьянства судьба.
 И в тихом простецком парнишке
 Ульянов видел себя.
 Сиротская жизнь не смеялась.
 Нехватки извечно в дому.
 Припомнил он, как доставалось
 Ученье когда-то ему.
 Кто рад был и ломтю ржаному,
 Тот знает о жизни без слов.
 Ульянов, вздохнув, волостному
 Сказал:
 - Собери мужиков!

Деревня тонула в сугробах,
 Дымя в задубелую студь.
 С берестяной зыбки до гроба
 Крестьянину вымерен путь.
 Судьбой освящён, непреложен,
 С рожденья ему насулён.
 Земля и щедра, и пригожа,
 Да только и ей обделён.

Пришлось на мужицкую долю
 От вольных царёвых щедрот
 Для ржи десятинное поле,
 А бабы, так вовсе не в счёт.
 Налоги пошли, круче прежних.
 Но «крепости» нет, как-никак!
 Поставил какой-то приезжий
 В версте от деревни кабак.
 Прибавилось пьяни и голи.
 И выкуп на шее, как крест.
 На том и закончилась воля,
 Что всем даровал манифест.

Вся жизнь и вся радость –

Из хлеба.
 И намертво русскую ширь
 Держала глубинная скрепа –
 Община, иль попросту мир.
 Природные корни, живые,
 Держали в земле каждый дом.
 Мир был пуповиной России,
 В ее тело вросшим узлом.
 Царю развязать не по силам
 Устоев неписанных крепь.
 Решалось все исстари миром,
 Одна была воля и цепь.

Сходились неспешно, оглядкой:
 С какого прищучат конца?
 Своим заведённым порядком
 Вставали поодаль крыльца.
 - Чего там надумали власти?
 Опять поди новый оброк?
 - И так, разорвись хоть на части,
 Налоги не выплатить в срок.
 - Узнать бы, чего там заранее.
 - Подхватят опять за ребро.
 Мужик забулдыга горланил:
 - Решим, коль поставит ведро!
 - В холодную хочешь!
 И взащей
 Турнул его сотник, грозя:
 - Накормим берёзовой кашей,
 На сходе буянить нельзя!
 Все знать непременно хотели,
 Что власть припасла мужику.
 Замёрзшие лапти скрипели
 На жёстком январскому снегу.
 По ввевшейся в душу привычке
 (Приезжий-то сам генерал!)
 Попадали шапки мужичьи.
 Ульянов рукой замахал:

- Покройтесь!
 Я к вам за советом, за помощью...
 Лес уже есть...
 Построить бы надобно летом
 Школу на тридцать мест.

Крестьяне молчали, хмуря:
 Незнамое дело - как взять?
 Опять на мужицкую шею
 Хомут, и его притирать.
 И солнечный полдень немилым
 Покажется в спорах, пока
 По делу столкнешься с миром
 И с места столкнешь мужика.
 - А тес как? А гвозди? А стекла?..
 - На восемь сажений хором!
 Рубаха на госте промокла,
 А все ж настоял на своем.
 Ульянов провел свое дело.
 Сочли по копейки рубли.
 Пока отрядились, стемнело,
 И звезды вокруг расцвели.

И в путь!
 Отдохнувшая пляшет
 Пристяжка, дымясь куржаком.
 Вдали за околицей машет
 Ночная метель рукавом.
 Ямщик засвистел: Эй, родные!..
 В лицо брызнул колкий снежок.
 И снова в потемки России
 Винился скрипучий возок.
 Стихии бурлящая воля.
 Метелей крылатых полет.
 Еще одно поднято поле,
 Где знание людское взойдет.
 Не сразу, не скоро –
 Подспудно

Созреют добра семена.
 Пока еще спит непробудно
 Державы родной глубина.
 Салонные кончились споры.
 За дело другие взялись.
 Дымком динамитным террора
 Пахнуло из дальних столиц.

Проклятие вечных вопросов.
 И в них было русское все:
 Иль бомбы бросать под колеса,
 Иль делать всю жизнь колесо?..
 Мучительный гнет самовластья
 Придуман, иль сам он возник?..
 О скорбное русское счастье
 Сжигать свою жизнь для других!
 Не всем пьедестал эшафота
 Достался. Немало людей
 Сожгла беспощадно работа,
 Чтоб стало в России светлей.

- 3 -

Умыла февраль непогода,
 И месяц взошел молодой.
 И стал наряжать на работу
 Своих мужиков волостной.
 Повинностью всех наделили,
 Хоть ругани было слез.
 Но в двадцать саней снарядили
 Для вывоза леса обоз.

По зимней дороге не тряско
 Катили с бугра на бугор.
 За каждой торчал опояской
 От холода синий топор.
 За пазухой хлеба краюха.
 На дровнях веревка, пила,
 И мягче лебяжьего пуха

Охапка соломы была.

Просторно!.

И взгляд не охватит

Всю ширь. Голуба высота.

Снегов самобраная скатерть

Смотри, хоть ослепни, пуста.

Лишь копотью черной вороны

Осели в седой березняк.

И воздух, промерзший до звона,

Скрипел на зубах, как наждак.

Подроста елового ровня

Взбежала на белый бугор.

Катили крестьянские дровни

В Присурье, в откупленный бор.

Неяркой латунной жестью

Закат застелил синий снег.

Крестьяне приехали к месту

И встали гуртом на ночлег.

Умяли лаптями поляну,

Костры развели – и вповал.

Наутро лесник им деляну

Деревьев мелком отсчитал.

За лесом вдали заалелась

Рассвета туманная гарь.

Они кипяточком согрелись,

Ржаной пожевали сухарь.

Что не быть за душу в ответе,

Подальше коней отвели.

Деревья, литые из меди,

Гудели натугой земли.

В сосне, золотой и дебелой,

Старшой остриём топора

Зарубку широкою сделал,

Потрогал рукою – пора!

Примета старинная: сосны

Валили, когда из корней

Густой и янтарный, как солнце,
 Сок двигался в перья ветвей.
 Столетиями срубы не гнили,
 Держались и в мокреть, и в стужу.
 И церкви, как лебеди, плыли
 Над Русью, и ныне плывут.

В мужицкие лица смолисто
 Живицей пахнула кора.
 Запела протяжно и чисто
 В руках голубая пила.
 - Ну, с богом, крещёные!
 Разом
 Ударили в комель с боков.
 И запричитало железо
 В руках молодых мужиков.
 Все глубже, натужней,
 И с храпом
 Пила умеряла разбег.
 Дрожали сосновые лапы,
 И падали шишки на снег.
 - Пошла!
 - Берегись!
 Покачнулась
 Земля.
 Отшатнулся мороз.
 Сосна до корней содрогнулась
 И пала, ломая подрост.
 И грохот пошел по чащобе,
 Тяжелый, как медь, громовой.
 Сохатый споткнулся в сугробе
 И, молча, потряс головой.
 Медведь потянулся в берлоге
 И мох под бочину подгрел.
 Над лесоповалом сороки
 Трещали по-бабьи, вздохом.

- С почином!..

И в воздухе стылом,
Давясь древесиной, вразмах,
Качнулись певучие пилы
В надежных мужицких руках.
И двадцать стволов враз упало.
И вздрогнул от грохота лес.
Лоснился,
Как желтое сало,
Исчерченный кольцами срез.
За комель петлею – и в волок
Под хриплые выплески слов.
Посыпались искры иголок.
Морозных
С лошажьих боков.
По вагам катали на сани
Тяжелые бревна. Обоз
Сполна нагрузили. В тумане
Три солнца сулили мороз.
Льдяная текла позолота,
Процежена стужей, с небес.
Поснедали. Снова работа:
Везти заготовленный лес.
Истёрта спина, в кровь избита,
Но надо тянуть, коль велят.
Уперлась в четыре копыта
Кобыла, а дровни стоят.
Мужик навалился. Полозья
Скрипуче запели, пошли.
Простором пахнуло морозным.
Вечерние тени выросли.
На небе взошла самосевом
Звезда, как цветок на лугу.
Дорожным синичьим напевом
Свистели полозья в снегу.

- 4-

Заботы, тревожные думы...
Ульянов работой горел.

Скупы подотчётные суммы,
А столько задумано дел!
Крестьянство бедно, а помещик
Уж сыт либеральной игрой,
Да мало ль в России есть трещин,
Куда утекает добро?
Налоги уходят на ружья,
На новый азийский набег.
А власти всегда был не нужен
Со светом во лбу человек.

И царский минпрос был в заплатах,
(Пример как из нынешних дней)
За что бы ни взялся – нехватки:
Ни денег, ни нужных людей.
Спасенье – листы подписные,
На дело годился и грош.
Щедра добротой Россия,
Но много ли с нищих возьмешь?
Крестьянин долгами стреножен.
Никак не возьмет себе в толк:
Всю жизнь проработал
И должен.
И внукам останется долг.
А век-то мужицкий недолог,
Сорвал пуповину – остыл.
Но поп, как любой идеолог,
Всем вечное счастье сулил.
И с миру по нитке что голым,
Жалея крестьянских детей,
Собрали на новую школу
Почти сорок восемь рублей.

Ульянов прикинул расходы –
Пособия, парты, доска...
Не раз подсчитал все работы
На желтой осьмушке листа.
За свой счёт община построит,

Она ж педагога наймет...
 Но все-таки нету покоя,
 И в голову сон не идет.
 Закроет глаза он –
 В тумане,
 Как спелый подсолнух,
 Пред ним
 Встает невеликое зданье
 С шатровым
 Крылечком резным.
 Вкруг гомон,
 Ребячий, веселый.
 В цветке золотится пчела.
 Таковую построить бы школу,
 Чтоб дома роднее была!

Не спится.
 Поднялся с кровати.
 К столу подошел, торопясь.
 И начал в рабочей тетради
 Чертить все, что видел сейчас.
 Не то.
 Зачеркнул.
 Постепенно
 Из плена бумажного ввысь
 Прозревшие окнами стены
 С крылечком резным поднялись.
 Вкруг дома вставала ограда
 За нею и пчельник, и сад.
 Наличников ярких оклады
 Резьбой оживили фасад.

Чертеж получился отменный.
 Илья Николаевич встал.
 Окно распахнул.
 Белопенный
 Сад тихо во сне бормотал.
 Весна.

Жизнь как будто в начале.
 Душа не грустит о былом.
 Все зимние смыты печали
 С земли торопливым дождем.
 Ещё только жизни середка.
 Есть силы и пыл молодой.
 Судьба, словно утлая лодка,
 Над темной летит глубиной.
 Тяжка просвещения пашня.
 Он знал всю её без прикрас.
 Часы городские на башне
 Пробили предутренний час.

- 5 -

Отсеялись.
 Вешний Никола
 Отпразднован шумной гульбой.
 Пора приниматься за школу,
 Решили на сходке гурьбой.
 Лес, сложенный загодя в штабель,
 Подсох на весенних ветрах.
 И струйки смолистые капель
 Желтели на круглых боках.
 Ударишь в бревно – колокольню
 Гудит древесина, что бас.
 Директор училищ довольно
 Глядел на сосновый запас.
 Лесины, пахучи и прямы,
 Лежали вповал, во весь рост.
 С зимы заготовили рамы,
 И краску, и гвозди, и тес.
 И место нашлось, где не тесно –
 На взгорке, у самой реки.
 Артель подобрали из местных,
 Степенные все мужики.
 Из тех, кто прошел с топорами
 До волжского низа всю Русь,
 И в каждом построенном храме

Все помнил венцы наизусть.
Такие, коль надо, вслепую
Построят игрушку-избу.
Одним топором золотую
Развесят с карнизов резьбу.
Наточат игривых балясин.
Отхолят перила не раз.
Стоит дом,
Как чудо прекрасен,
Народной душой напоказ.

Крестьянин на все руки мастер.
Гонялся годами, спеша,
В отходных работах за счастьем,
Да так не нашел ни шиша.
Но эта работа не барам,
А вся для своей ребятни.
Работали плотники даром
Для мира, где жили они.
А труд веселее свободный.
В нем что-то от детской игры.
Скатали бревно поудобней,
И взяли его в топоры.

Сосну раздевая, железо
С причмоком стреляло щепой.
И, рдели сосновые срезы,
Крутой наливаясь слезой.
Затенькали звонкие пилы,
В сухую вгрызаясь кору.
Работы крылатая сила,
Как праздник, красна на миру.
Работали жарко, торопко,
И бревна пошли нарасхват.
Нашлись добровольцы
На копку – не мало.
Все тридцать лопат.
Стояли вокруг, бородами

Уткнувшись в махорочный дым,
 Пока размечали фундамент
 Ульянов с артельным старшим.
 Разметили.
 Сразу за дело
 Взялись мужики –
 Не оброк.
 Светлея, железо скрипело,
 Вгрызаясь в лежалый песок.

Азарт
 (Нет запальной завода!)
 Зажёг всех, горят мужики.
 Нашлась и мальчишкам работа –
 Булыжник таскать из реки.
 Несли, кто охапку, кто горстку –
 Любого старшой привечал.
 Илья Николаевич тёзку,
 Оглоблина, сразу узнал.
 Илюшка директора вспомнил,
 Но что-то невесел, смурной.
 Ульянов услышал, что помер
 Отец мальчугана весной.
 Непросто семье без кормильца.
 Пять братьев, сестренки – орда!
 Бесхлебьем обсосаны лица,
 В глазах застоялась беда.
 Наверд ли придётся Илюшке
 Учиться.
 Заест парня жизнь.
 Ульянов по жёсткой макушке
 Погладил и молвил: - Крепись...
 Илюшка оттаял, не букой
 Глядел, а надеждой светясь.
 - Я выучил целых три буквы,
 И все напишу, хоть сейчас!

Присели на бревнышко. Мигом

Столпились ребята вокруг.
 Ульянов взял детскую книгу,
 И начал читать её вслух.
 Притихли и слушают вечный
 Рассказ о победе добра.
 Звук радостной пушкинской речи
 Дошел до глухого угла.
 Сияло волшебное слово,
 Проклюнулся знаний росток.
 Под стук топоров в школе новой
 Ульянов дал первый урок.

Читал бы ещё, да помещик
 Подъехал – крестьянский хомут.
 - Зря строите – стекла расхлещут,
 А дом непременно сожгут!
 Почаще их брать надо плети,
 А вы в эту грязь со свечой!
 - Ни даст бог никак ему смерти, -
 Мужик проворчал за спиной.
 - Вот, слышите?
 Юркнул в тележку
 И кучера ткнул кулаком.
 Вослед кто-то свистнул насмешку,
 И пыль закрутилась столбом.

День гнал по земле волны света.
 Рад жизни был каждый листок.
 Приспело и время обеда.
 И все потянулись в тенёк.
 Расселись по кругу.
 И старший
 Махнул кашевару – давай!
 Пошли по рукам миски с кашей
 И хлеба тугой каравай.
 И первая гостю – обычай.
 Ульянов приветно кивнул.
 Уж тут не до светских приличий,

И миску в колени приткнул.
 Молчат, стукоток слышен ложек,
 Да всплески ветвей, будто крыл.
 Ульянов покушал и ковшик
 Кваску молодого испил.
 И вновь разговоры о деле
 Пошли без подначек, всерьёз.
 - Закончим к петровской неделе...
 - Нам неча тянуть – сенокос...
 Высокое солнце в накале.
 Над пашнями марева дым.
 Опять топоры застучали
 По бревнам от зноя тугим.

- 6 -

Всё сделали, как порешили.
 Чуть лето успело остыть,
 Всем миром его пригласили
 В деревню, чтоб школу открыть.
 И снова дорога!..
 В укладке
 Нехитрые школе дары:
 Всемирная карта, тетрадки
 И книжки для всей детворы.

Мелькали тележные спицы,
 Грязь брызгала из-под копыт.
 Летели осенние птицы
 Над родиной,
 Плача навзрыд.
 Стояли деньки золотые.
 Листва облетала с берез.
 Волнуясь, прощалась Россия
 С порою цветенья и гроз.
 От зябких дождей проржавели
 Зеленые крыши лесов.
 И чувства иные прозрели
 К отчизне – печаль и любовь.

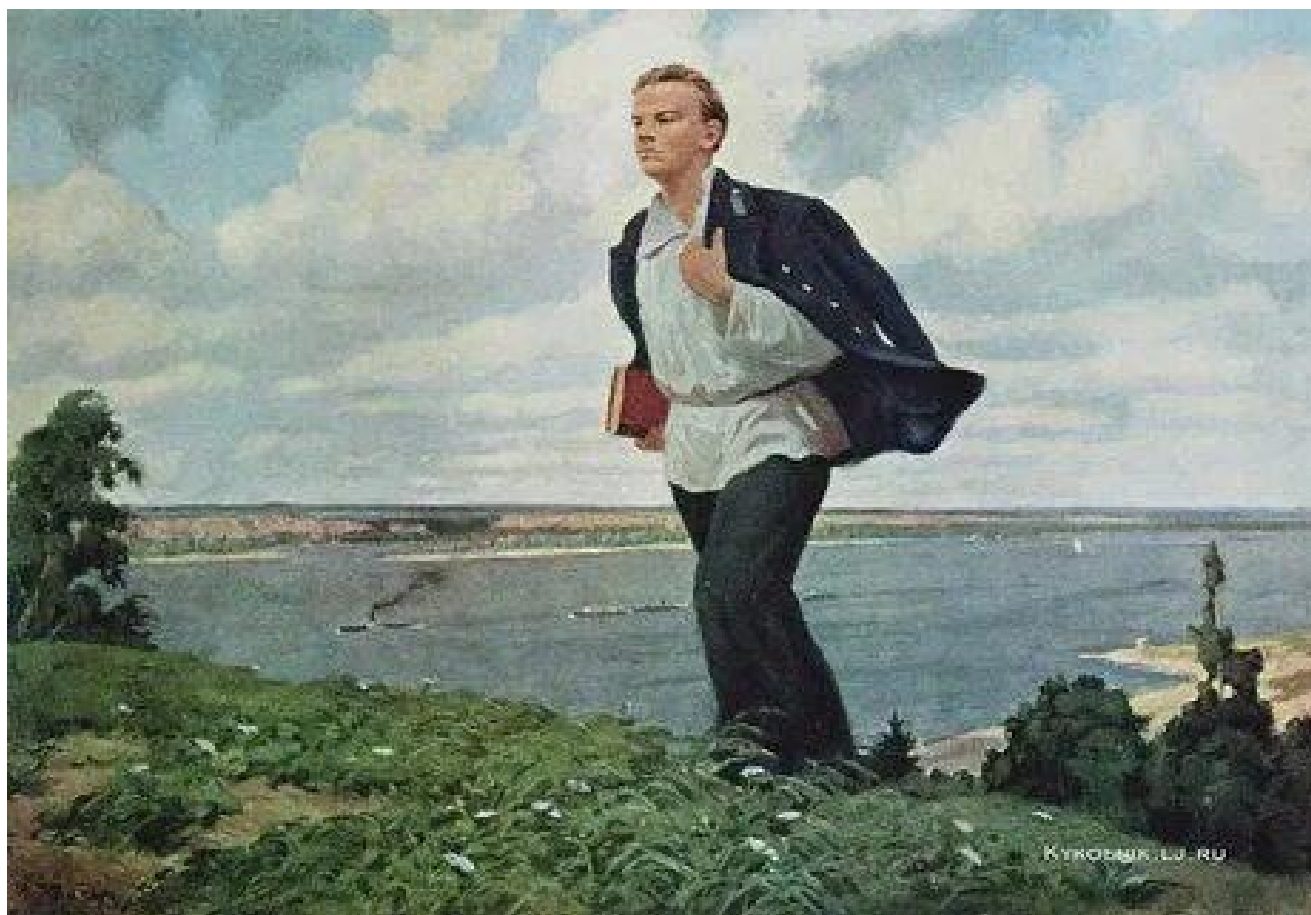
И сердца коснулась, тревожа,
 Листвы облетающей дрожь.
 И стала родней и дороже
 Земля, на которой живешь.
 Открылась душе по нитью
 С природой бессмертная связь.
 Пора журавлиных отплывтий
 И грусти, пронзающей нас!

Простор дрожкой нитью прострочен
 Станиц, уплывающих в синь.
 И горечью пахла с обочин
 Седая, как пепел, полынь.
 Ворона взлетела с разбега.
 Зайчишка метнулся в кустах.
 И ходко катила телега
 В просторных осенних полях.
 Хлеб убран, стерня золотилась.
 И шла в деревнях молотьба.
 Была умиленная милость
 В земле, подарившей хлеба.
 Над током пыльца обмолота
 Клубилась под гомон цепов.
 Журчали, заждавшись работы,
 Литые круги жерновов.
 Деревня считала прибитки
 И сколько налогов отдать.
 Остатка лишь только
 На нитки хватало,
 Чтоб рвань залатать.
 Царю, господину и Богу,
 Хоть сдохни, а доли отдай...

Ульянов смотрел на дорогу
 На милый затерянный край.
 День тихо катился на убыль.
 Темнел на деревьях раскрас.
 Вдали вспыхнул храмовый купол,

И речка блеснула, змеясь.
Илья Николаевич зорко
Вгляделся: « Ах, вот и она!..»
У речки, на ровном пригорке
Стояла в четыре окна.
Домов деревенских повыше,
С пристроем, крылечком резным,
Под светлой тесовой крышей
Возникла вдруг школа пред ним.
Вкруг черный лоскут огородный,
Под ивами мельничный пруд.
Вздохнулось легко и свободно
От счастья, омывшего грудь.
1987

ВЕСНА ВЛАДИМИРА УЛЬЯНОВА

-1-

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветеньем
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный громок.
И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.

Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, трава.

-2-

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.
Клубился мед сиреневых туманов.
Стучали ветви кленов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлете,
И в сердце ощущение крыла.
На грозном российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пускай она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и молодой земле.
Еще чуть-чуть и будет брошен жребий,
Что мир расколется через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.
Симбирск чадил угаром летних кухонь
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролетке,
Как будто идол, деревянно прям
Прошел, дырявой хлюпая подметкой,
В кабак родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор

И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.
Он был одной из многих ножек трона
На коем восседал российский царь.
Царь был для всех – и божий гром и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.
Сословия, чины...Кругом ранжиры
Указы циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы – молодость и совесть,
Чья вера лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыданья мамы и сестер испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жестким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел – как бы чего не просмотреть.
Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточен в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь в Симбирске яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитно.

Жизнь совершала свой весенний взлет.
 И за Свягой – с косогора видно –
 Работал на полях простой народ.
 Скрипели сохи. Надрывая жилы
 Тянули с хрипом баржу бурлаки.
 И тощие коровы воду пили,
 В трясине увязая, из реки.
 Он был не в силах радоваться маю.
 Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
 Его вырослила, душу остужая
 Недетская холодная печаль.

-3-

Куда пойти?..
 С кем поделиться болью?
 Мать рядом с Сашей,
 Нет в живых отца.
 Запруженная арестантской голью
 Вскипала гулко улица с конца.
 Косил лиловым глазом конь горячий,
 Конвойный офицер крутил усы.
 Совала бабка каторжным калачик,
 Как повелось от века на Руси.
 Владимир жадно всматривался в лица.
 Кого не привели сюда пути!
 Вот два студента, может из столицы?
 Спросить про Сашу... Но не подойти.
 Гонимый люд шел, спотыкаясь, в гору,
 Сквозь толпы обитателей градских.
 Хотелось отшатнуться от позора
 Своей страны, но он смотрел на них.

-4-

Над городом
 Весны звенело знамя
 С Венца дул легкий ветер – ласковой.

Над крышами домов, над куполами
Кружился май на крыльях голубей.
Шумело монастырское кладбище,
Вороньем граем, молодой листвой.
И словно на родное пепелище,
Пришел Владимир к стеле гробовой.

Тот день вставал в сиянии немилым.
Народ все шел и шел издалека.
Под синим генеральским вицмундиром
Остановилось сердце мужика.
Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
Сторонник дел. Противник болтовни.
Он был педагогических дел мастер,
Учитель и наставник ребятни.
Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
Не думая про звание и почет,
Он объезжал Симбирскую округу
И все деревни знал наперечет.
Курные избы, рощицы, пригорки.
Серп полумесяца, сияние креста.
Папузы, Курослепки, Домосёрки –
Беспамятные дикие места.
Сквозила бедность русских, инородцев
Из каждого дремучего угла.
За ним вставали школы как колодцы
С живой водою знанья и добра.

– Отец, отец...
Мы – пасынки отчизны,
Твои сыны...
(О, как земля молчит!)
К чему не прикоснешься в русской жизни,
Умом иль сердцем – всё кровотоцит.
Не оступиться б, что найдешь, не знаешь.
Ведь на Руси как будто в сказке той:
Пойдешь налево – совесть потеряешь,
Пойдешь направо – голова долой.

Вороний грай шумел над тополями,
Земля молчала под родным крестом.
Но знал Владимир, что пойдет он прямо.
Своим, еще не тореным путем.
Пройдет сквозь испытания на ощупь,
В бореньях прозревая, чтоб потом,
В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
Всё обрекая на распыл и слом.

Земля молчала, но ударил ветер,
Взыграла в небе света полоса.
Цепляясь за верхушки старых ветел,
Шла на Симбирск весенняя гроза.

1987-2014

ХАРОН

Был день наполнен запахом и цветом.
В расплавленной июлем вышине
Скользило облако. Горячий ветер
Обшаривал красоток городских.
И в душных скверах щебетали птицы,
Свои проблемы дружно обсуждая,
Как женщины на кухне коммунальной,
Взахлёб, почти не слушая друг друга.

Толпа теснилась в уличных провалах.
Я шёл и ни о чём не думал,
И даже не пытался думать,
Поскольку было ясно в жизни всё,
Расписано, разложено по полкам,
Освящено традицией, доказано
И повсеместно в жизнь проведено.

И этот день известен был заранее,
Как «... солнечный, погода без осадков
Существенных...». Конечно, так и было:
Сочился зной, похожее на магму
Светило растеклось по небесам,
Подёрнутых туманной белой дымкой.
А если бы не так, так что нам стоит
Взять да руками тучи разогнать,
Дабы продемонстрировать всесилье
Не только на земле, но и на небе.

Народ теснился в уличных провалах.
И выпавший из трезвого равнения
У бочки с квасом пьяненький прохожий
Запомнился мне тем, что закричал
И ткнул в толпу кривым немытым пальцем:
– И для таких, как вы, я воевал!
– Бессовестная рожа! Нализался!..
Толпа вокруг остекленела злобой.

– Пойдём, отец! И мы пошли к ларьку.
Там было пиво, и людская накипь,
Бурля вокруг прилавка, сквернословя,
Воня тухлой рыбой, грязным потом,
Жизнь видела сквозь кружечное дно.

– Я пью давно, – сказал старик уныло. –
С тех пор как начал жить одним лишь прошлым.
Свет позади, а впереди потёмки.
Ни сатану, ни бога не ищу я
Давно в питье, но знаешь, милый, время,
Когда стаканчик водки чекулдыкнешь,
Вдруг исчезает. Нет его совсем.
И в этом смысл вина для поколенья,
Которое не мыслит, а спешит...
Ну, я поплыл!..
– Плыви, отец, да на вот,
Пятак рабочий на проезд домой.

И так мы, безымянные, расстались.
Старик пошёл домой иль в вытрезвитель.
Не всё ль равно?.. Его часы стояли,
Пока ему хмель голову кружил.
А между тем прогноз не оправдался.
Ударил гром, и рухнул с неба ливень,
И вспух асфальт от белых пузырей.
И с мостовых дневной смывая мусор,
По водостокам ринулась вода.

Мне сердце взвеселила непогода.
Я начал узнавать окрестный мир,
Где встало наконец-то всё на место:
Земля и небо, люди и дома.
И торжество невзнузданной природы
Мне вдруг открылось в мощи и красе,
Доступной только в первый день творенья.
Был свет великий отделён от тьмы,
Земля взбугрилась над безбрежьем водным,

И сквозь асфальт проросший одуванчик
Захлёбывался пеной слюдяной.

Захлопывались форточки и двери.
В потёмках зажигались фонари.
И молнии ломались, потрясая
Упругим гулом землю и сердца
Людей, стремглав забившихся под крыши.
И радостный, промокший весь до нитки,
Я шёл домой по уличному дну
Сквозь заросли взбесившегося ливня,
Сквозь струи, что хлестали по лицу.

– Остановилось время, парень, – видишь!..
Я, в ужасе отпрянув, оглянулся –
Опять старик стоял возле меня,
И пальцем, побелевшим от воды,
Указывал на часовую башню.
И, правда, что часы стояли. Стрелки
Зависли надо мною в ползамахе.
От позолоты розовые струи
Дождя, как будто кровь, сочились с них.

– Гляди! Гляди! – довольно ухмыльнулся
Старик и сунул в руку мне пятак.

– Плыви! – И сгинул в зыбкой чаще ливня.
– Всё это бред, – со скукой я подумал.
Дождь надоел мне, крупный и холодный,
И я с досадой поднял воротник.
Часы остановились, а не время.
Живое время задержать нельзя,
Даже летя в космическом пространстве
Со световой скоростью. Дыханье,
Удары сердца, встречи и разлуки,
Измерят жизнь точь-в-точь, не ошибутся.

Старик был, к сожалению, неправ.

Наивный, он поверил простодушно
Тому, чего не может сроду быть.
Ведь каждый заведён из нас на время,
Отмеренное загодя судьбой.
И человек Земли живёт и дышит,
Пока его не кончится завод.

Я грустно брёл по улицам домой,
Припоминая, где я раньше видел
До этой странной встречи старика.
Официант? Газетчик? Или дворник?
Нет, всё это не то. И те, конечно, пьют,
Но мрачных философий не разводят
И никогда долгов не отдают.

Харон! Харон! И как я не подумал,
Что это он был, мрачный перевозчик,
Поэзией помянутый не раз.
Он возвратил пятак, наверно, рано
Ещё платить мне гробовую мзду
И в утлую ладью его садиться.

Но в будущем есть день и час, и миг.
Моё остынет солнце. Чернотой
Мне на глаза просыпятся снега,
И мысль умрёт, от страха содрогаясь,
Что на вопрос: «За что?» – ответа нет.
И жизнь через меня перешагнёт,
Оглянется лишь тот, кого коснётся
Моё небытие. Так и в лесу
Смерть дерева те чувствуют деревья,
Которые заденет мёртвый ствол
В своём слепом безудержном паденье.
Другие же не знают ничего.

Я поспешил домой к жене, пугаясь
Машин на оживлённых перекрёстках,
Страшась во тьме опасно поскользнуться,

Разбить себе затылок о бетонку
И потерять мой погнутый пятак.

О, как он мне однажды пригодится!

Здесь Ленин жив... и будет жить

-1-

Вы слышали, как яблоки стучат,
Когда, тяжелым, падать им охота?..
Легла на тихий домик Ильича
Осенняя сухая позолота.
Трепещет, кувыркаясь на лету,
Листва в волнах оранжевого света.
Остановилось в ленинском саду
Сгорающее в кронах бабье лето.
Опенок тонкий вылез на пенек.
День пахнет медом, поздними плодами.
А сад шумит...
Колышет ветерок
Его сухое лиственное пламя.

-2-

Сегодня домик, как обычно, пуст.
Вокруг него всё нежится в покое.
И нет во мне мемориальных чувств
Печали нет, поскольку всё живое.

И Ленин здесь невидимо стоит.
До часа, что начнется в новом времени,
Когда вернётся в человека стыд,
И Божий Дух его коснётся темени.

И он поймёт: судьбы нетленна нить
Всё временно – властители, свобода...
Здесь Ленин жив... и продолжает жить
Как разум просвещённого народа.

Пройдёт эпоха подлости и зла.
Добро наполнит времени течение.
Нимб Истины вокруг его чела
Пронзит всех вразумляющим свеченьем.

-3-

Есть в поздних днях чарующая грусть,
Когда в волнах изменчивого света,
Как золотого яблока надкус
Пьянящим соком пахнет бабье лето.
Есть в поздних днях чарующий настрой,
Похожий на минуты вдохновенья.
Следишь за яркой лиственной игрой,
Невольно замирая от волненья.

А осень журавлиную трубу
Приподняла в охолодевшем небе...
Насквозь увидишь здесь свою судьбу,
Подумаешь о доме и о хлебе...

-4-

Как хорошо, что здесь нет никого,
Лишь шум листвы и от деревьев тени.
То не умрёт, что истинно живо,
Что свято людям Правды – это Ленин.

О нём не стоит много говорить,
К нему не липнут ни хула, ни слава.
Но как бы нам сглупа не позабыть,
Что Ленин основал великую державу.

Мы все сейчас виновны перед ним,
Что от свободы захмелели хором.
Что чуть Россию не пустили в дым,
Не ведая ни страха, ни позора.

Нашли того, кто в этом виноват.
Конечно, Ленин, он придумал спички.
Поджог страну, устроил людям Ад,
А для тушенья не припас водички.

О чём мечтала Русь во все века,
Не мог он дать – ни счастье, ни свободу.
И лишь одним он стал так люб народу,
Что понял Справедливость мужика.

-5-

Трубит сентябрь, и над железом крыш
Взмахнула осень желтыми крылами.
Спасибо, сад, за то, что ты хранишь
О нем неувядаемую память!
На землю, помнящую Ленина шаги,
Твоя листва стекает не напрасно.
Здесь побывав, навечно сбереги
Все, что увидел так светло и ясно!
Запомни все –
И теплый день, и сад.
И листопада шум и суматоху,
И выводок осенних воробьят,
Что сыплются взъерошенным горохом,
У женщины любимой на щеках,
Запомни,
Этот спелых листьев отсвет.
И мимо пролетевшего **жучка**.
И неба холодеющую просинь.

-6-

Россия тридцать лет бредёт во мгле,
Не ведая пути, слепая, как и прежде.
Не предавайте Ленина земле,
Не хороните правду и надежду,

Что справедливость явится в наш дом,
Все племена объединив любовью.
Иначе всё опять пойдёт на слом,
Опять Россия захлебнётся кровью.

Не нам, отступникам, толпой его судить.

Что для него судилища земные?
Зачем плевать на то, что будет жить
Всегда, пока не кончится Россия?..

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

-1-

Стремясь постигнуть Красоту,
Поэт взирает в темноту
С упорством древнего монаха.
И ждёт, когда ему из мрака
Внезапно явится Она,
Как взрыв на Солнце,
Вспышкой света.
Всё мироздание пронзит,
И в неизвестность улетит.

Стремясь постигнуть Красоту,
Поэт взирает в темноту
И год, и пять... Со счёта сбился.
Не знает он, что покусился
На тайну жизни мировой,
Что называют Красотой.

Но, наконец, свершилось это.
И, вспышкой солнца поражён,
Поэт не ведает ответа,
Что видел, иль не видел он?
Свет, вспыхнув, вдруг преобразился
В кромешную ночную тьму...
Вдруг кто-то в ней зашевелился,
Но кто, неведомо уму.

Не знал и наш поэт об этом,
Что тьма, оставленная светом
Неизреченной Красоты,
Есть порожденье пустоты.

Что будет следовать за ним,
Нечистой силою гоним,
Из года в год, из века в век
Безмолвный Черный Человек,
Влача судьбы его суму.

Поэт отверженный, ему
 Сначала будет удивляться,
 Затем страшиться...
 Может статья,
 Пальнёт в него из пистолета.
 Чуть позже пустит пулю в лоб.
 Себе... Несчастливого поэта,
 Оплачет мать. Дощатый гроб
 Под хилым дождичком иль снегом
 Снесут на кладбище. Его,
 Кто к Красоте воззвал над веком,
 Зароют... Только и всего.

-2-

Ушёл в космический побег
 Поэт, окончив путь свой честно.
 И тут же Чёрный Человек
 Занял его святое место.
 Себя поэтом объявил
 И даже с пушкинским сравнил
 Свой чёрный, словно сажа, гений,
 Что был ничтожен, без сомнений.

Так время шло...
 Сгорела, свечкой
 Коммунистическая власть.
 И уйма Чёрных Человечков
 В России грешной родилась.
 Все сплошь писатели-калеки.
 На Русь у каждого оскал,
 Не медля, в Черном Человеке
 Они узрели идеал.

-- Он выше Пушкина! – вопила
 За ними глупая толпа,
 Не зная, что опять судьба,
 С Россией злостно пошутила,

Я сам свидетель дней позорных,
Когда хозяином стал гость,
Как время Человечков Чёрных
Пришло надолго и всерьёз.

Чтоб русский век для них был вечен,
Использував крутой момент,
Они для Чёрного предтечи
Воздвигли Чёрный монумент
Возле известного посольства.
И он в него направил взор,
Исполненный самодовольства.

С посольством вместе он превыше
Александрийского столпа.
Но он нерусским духом дышит,
К нему народная тропа
Не торена. И даже пьяницы
Не посещают сей приют.
Страна, где монументы лгут,
Ничтожной в памяти останется.

БОГДАН ХИТРОВО

-1-

Лампада жёлто тлела под иконой.
 Петушьим гребнем алая заря
 Над Волгой воссияла.
 Ржали кони.
 Вилась позёмка, искрами горя.

Перекрестившись истово три раза,
 Он из ковша плеснул в лицо воды.
 День впереди – бдеть царские наказы,
 Доносы разбирать, вершить суды...

Зевнул, по-волчьи клацнув челюстями.
 Испил вина из кубка своего.
 Почти всю ночь провёл в острожной яме
 Без сна Богдан Матвеич Хитрово.

Вокруг народец на разбои прыткий.
 Глаза сомкнёшь – и вот она, беда.
 Вчера ногаец показал на пытке,
 Что из Заволжья движется орда.

Он приказал не медлить и сегодня
 Разведку выслать, ибо враг не ждёт.
 В окошко глянул: наготове сотня
 Казаков гарцевала у ворот.

Он знал, что не вернётся каждый пятый
 Из посланных...

Коварен старый хан!

И в горницу угрюмо звероватый
 Вошёл на зов походный атаман.
 Окольников сурово молвил:
 – С Богом!
 На всё три дня. Засады берегись!..
 Ворота заскрипели. Из острога
 Станица с гиком перешла на рысь.

За нею взвился белый хвост метели.
 Вставало солнце, разгоняя мрак.
 И к воеводе, как сквозняк сквозь щели,
 Проник подъячий с кипюю бумаг.

Бочонок – статью, мордочкой – лисица,
 А вьёт слова, как будто чародей.
 Окольный скривился на мздоимца.
 В кнуты б его, да жалко – грамотей.

Такого не найти во всей округе.
 Всё ведает в делах, собачья сыть.
 Вон – целый ворох притащил докуки,
 На всё ответить надо, рассудить...

-2-

На крыше съезжей снег шуршал половиой.
 Склонился люд... Богдану Хитрово
 Царь повелел вершить в уделе новом
 Суд праведный от имени его.

И в этот день пред ним прошли чредою:
 Должник – на правеже ему стоять,
 Крестьянин беглый – выдать с головою,
 Базарный тать – на год в оковы взять.

По всей Руси ещё гноила Смута,
 От Пскова до окраинной земли.
 Пришёл указ, чтобы повинных в бунте
 Поймать, дабы на Дон не утекли.

И зорко бдеть за понизовой степью,
 За каждой шайкой, каждым бунтарём.
 Поволжье тлело, словно уголь под пеплом,
 Чтоб распалиться разинским огнём.

Вокруг конца не видно лихолетью,
 Как будто бесы кружат над страной...
 Из думы отписали: лютой смертью
 Казнить воров, что взяты за разбой.

Всё сделать, как в Москве приговорили,
 Подьячему велел.
 Свершился суд.
 Чтоб прорубь на Свяге прорубили,
 А кат покрепче просолил свой кнут.

-3-

Снежинки комарьём в лицо метнулись.

Пахнуло свежим деревом с крыльца.
 Под шубою тяжёлою сутулясь,
 Смотрел на Волгу Хитрово с Венца.

Скулил у ног бродячий пёс острожный.
 И воевода пнул его под дых:
 Казачья сотня сгинула в Заволжье.
 Четвёртый день, как нет вестей от них!

И где они?.. Увязли в снежных топях?
 А может быть, сегодня иль вчера,
 Их стриженные головы на копьях
 Подъяты возле ханского шатра?

И завтра огласится диким гулом
 Окрестность от нахлынувшей орды.
 Он приказал удвоить караулы
 И за острогом выставить посты.

Стрельцам – готовить сабли и пищали.
 Вокруг – сторожевые жечь костры.
 Послал гонца в Корсун, чтоб не зевали,
 Оставили похмелья и пиры.

Строптивцам посулил свою немилость,
 Чтоб в строй встал каждый ратный человек.
 И весь рубеж, засекою щетинясь,
 Был наготове отразить набег.

В Москву б сейчас... Но далеко столица.
 На помощь от неё надежды нет.
 На нём сейчас поволжская граница,
 И он один за всё несёт ответ.

Позор и слава – всё в руке у Бога,
 Но воевода не порушит честь.
 Гонец стучится во врата острога,
 И он готов услышать злую весть.

ЧИНГИСХАН

Когда Чингис хребты сломал врагам
 И увидал, как вырванное сердце
 Последнего изменника лягушкой
 Трепещет на ладони палача,
 Он молча скрылся в златотканой юрте.
 Три дня его не видели нойоны.
 Три ночи он не призывал наложниц.
 На троне императоров Китая
 Он восседал, внимая вою ветра
 И топоту горячих табунов.
 Орда вокруг,
 Как будто Змий огромный,
 Свилаась в кольцо.
 Он был его главою,
 А хвост терялся за полярным кругом.

Визжали жеребцы, ослы стонали,
 Скрипели арбы. Мудрые верблюды,
 Брюзгливо оттопыривая губы,
 Глядели на костры.
 Людское стадо,
 Пропахшее курдючным ржавым салом,
 Взглянуть не смело на бунчук владыки.

Он был один.
 Взъярённые драконы
 Смотрели с подлокотников во тьму.
 И он глядел на пламя, камнелицей,
 Как смерть, непроницаемый владыка,
 В год Барса ставший всемонгольским ханом,
 Как посуху, ступавший по крови.

Он руку протянул. Китаец – раб –
 Подал ему с противоядьем чашу.
 – Паршивый раб, скажи мне – я отравлен?
 Ты жить оставлен мною для того,
 Чтоб правду говорить! Другие лгут.
 А молчуны опасней каракурта,
 Ужалят и скрываются в ночи!

– О, яшмовый владыка! Повелитель! –
 Ответствовал Чингису старый раб.
 – Нет на земле такого человека,

Кто бы замыслил подлое злодейство:
 Последний был убит у ног твоих.
 Ты не отравлен, ты страшнее болен...
 Три дня назад почувствовал ты муку
 В груди своей. Тебя сжигает жажда
 Величия, бессмертия и славы.

Раб замолчал, распластанный пред троном.
 Во тьме гортанно прокричала стража.
 Скулили псы. Гудела юрта бубном.
 В глазах владыки заметались тигры,
 Он зубы сжал и молвил: «Говори!»

– Величие земных владык в победах.
 Когда орда – твои клыки и когти –
 Послушная тебе, как травы ветру,
 Разрушит десять тысяч городов
 И десять миллионов мёртвых тел
 Покроют мир от моря и до моря,
 Тобою покорённые народы
 И твой обоз – вороны и шакалы
 Тебя восславят плачем и проклятьем,
 Провоют и прокаркают хвалу,
 Тогда ты будешь истинно бессмертен,
 И неприступен для своих потомков.

Одно запомни – десять миллионов!
 Ведь, кто погубит даже двести тысяч
 Неотличим от подлого убийцы.
 Детей им не пугают в колыбелях,
 И не слагают гимнов и молитв.
 Из погребений кости вырывают,
 Швыряют их по ветру. Грязный пёс,
 В отбросах роясь, брезгает их смрадом.

Раб замолчал. На ставку шла гроза,
 Столь редкая в степи, и было душно.
 Воителя саврасый жеребец
 На привязи забился.
 – Подлый раб, –
 Подумал хан, –
 Ты должен быть правдивым,
 А ты читаешь мысли...

Через день

Орда, поднявшись, двинулась на Запад
Всем скопищем кибиток, стад овечьих,
Храпящих табунов и гор верблюжьих.
В тот день в Багдаде рухнул минарет,
А в Киеве колокола вдруг зазвонили сами.
На брошенной стоянке, точно язвы,
Кострища тлели. И хромой шакал,
Отставший навсегда от жадной стаи,
Выл возле трупа старого раба.

ОСАДА СИНБИРСКА

-1-

Русь была некрепка.
И казак Стенька Разин
Поманил голытьбу на удачу и риск.
И свирепого бунта пошли метастазы
На Москву,
Но запнулись о верный Синбирск.

Город был возведён
Как форпост на востоке,
От набегов разбойничьих стража и крепь.
Он стоял на обрыве, крутом и высоком,
И сторожко глядел на немирную степь.

Стенька Разин поджёт
Русь святую низовий.
Пал Царицын,
Саратов, Самара – вослед.
И дохнуло пожаром и запахом крови
На Синбирск,
И крутым приближением бед.

– Вор у стен, –
Доносил своему государю
Князь Барятинский, –
Выжжен посад.
Сдан стрельцами острог,
Но снесём эту кару,
Уповая на Бога
И строй иноземный солдат.
Но Господь не помог.
И бежал по Казанской дороге
Князь, и с ним недобитая рать.
На казацком кругу,
В синбирянами сданном остроге,
Решено было крепость осадой брать.

А пока
Распустил Стенька Разин загоны
По округе, чтоб гнёзда дворянские жгли,
И казачьи повсюду вводили законы,
И рабов превращали в хозяев земли.

И стекались к Синбирску
Несметные толпы.
И кипели, как брага,
От хмеля и зла:
Казаки, бурлаки, бобыли и холопы...
Жажда мести и воли
Их на приступ вела.

Целый месяц Синбирск
В круговой был осаде.
Но не дрогнул державный
Двуглавый орёл.
А в Казани Бяратинский новые рати
Собирал
И на выручку городу шёл.

-2-

И октябрьским утром
Сошлись они в пойме Свяги,
Где клубился в кустах тальниковых туман.
И врубались в ряды царских воев казаки,
Впереди – на гнедом жеребце – атаман.

Мужичьё накатило
С дубинами, вилами.
И всю пойму накрыл
Лязг железный и рёв.
Рабья Русь и дворянская
Мерились силами.
И стекала в Свягу
Безумия кровь.

Вопли ужаса, стоны
И конские храпы,
Топот толп,
Самопалов пальба.
И катилось ослепшее солнце
На Запад, и неведомо было,
Кому улыбнётся судьба.

Заскрипели ворота в кремле.
Из ограды
Осаждённые ринулись
Разинцам в тыл.
И ударили дружно
Стрельцы из засады,

И удар этот участь сраженья решил.

Уцелевшие
 К чёлнам в подгорье бежали,
 Но немногие к ним
 Второпях добрались.
 Как снопы,
 Казаков побеждённых вязали,
 И к земле бородами
 Бросали их ниц.

Бунт есть бунт.
 Усмиренье не знает пощады.
 Только смерть
 Тем, кто вольно надеялся жить.
 Пробил час неизбежной,
 Свирепой расплаты
 За разбойную волю,
 За безумную прыть.

И всю ночь
 Топоры на подгорье стучали
 Под луной, чей кровавый тарасился лик.
 И глаголи над Волгой рядами вставали,
 И качались пеньковые петли на них.

-3-

Восстание повержено,
 Разбито.
 Горит Синбирск
 Под колокольный звон.
 Так закатилась
 Стенькина планида.
 Он, бросив всех,
 Бежит на вольный Дон.
 Что ранен –
 Не казачье оправданье.
 Погибшими
 Завалены все рвы.
 Ещё немало, налетев по-враньи,
 Накосит смерть народу, что травы.

Вокруг него –
 Соратников ватага.
 И у судьбы –

Для всех готов расчёт.
Их побратали вольность и отвага,
А разлучит московский эшафот.
Но кажется,
Что смерть ещё не близко,
А воля и судьба всегда с тобой.
Летит стружок,
И зарево Синбирска,
Как солнце,
Закатилось за горой.

Сияет вечность
Ясной звёздной пылью.
И жизнь – мгновенье
В вековом кругу.
И мыслит Стенька:
– Обрету я крылья,
И снова Русь с Поволжья подожгу!

Она ж темна, Россия,
И слепа...
А дальше так,
Как выпадет судьба!

